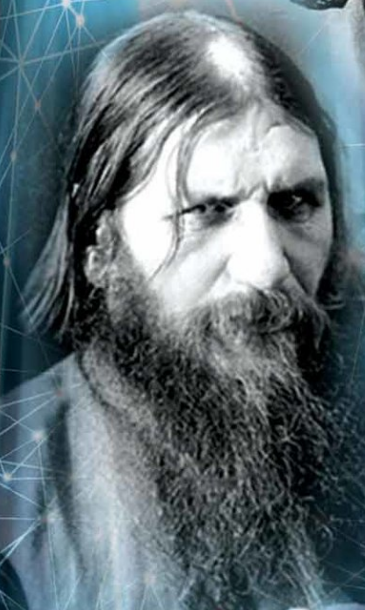
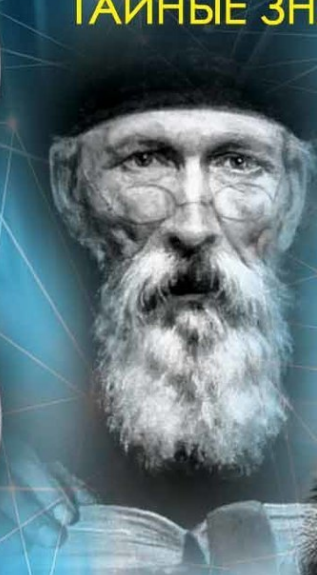

ВЕЛИЧАЙШИЕ РУССКИЕ ПРОРОКИ, ПРЕДСКАЗАТЕЛИ И ПРОВИДЦЫ

ТАЙНЫЕ ЗНАНИЯ

Тайные знания (Рипол)

**Величайшие русские пророки,
предсказатели, провидцы**

«РИПОЛ Классик»

2018

УДК 82-94
ББК 63.3(2Рос=Рус)6-8

Величайшие русские пророки, предсказатели, провидцы /
«РИПОЛ Классик», 2018 — (Тайные знания (Рипол))

ISBN 978-5-386-10193-0

На Руси и в царской России было много провидцев, предсказателей и прорицателей. У каждого из провидцев-святителей своя непростая судьба, свой трудный и благородный жизненный путь. В этой книге собраны истории и рассказы о русских святых, провидцах, праведниках и святителях; о монахе Авеле Вещем, проведшем более двадцати лет за свои пророчества в тюрьмах и крепостях, о российских юродивых и блаженных, о гадалках и медиумах, а также о многих других людях, оставивших яркий след в русской истории. Российские прорицатели и провидцы, их предсказания исторического будущего в ушедшем прошлом России являются частью нашей истории, которую мы должны знать.

УДК 82-94
ББК 63.3(2Рос=Рус)6-8

ISBN 978-5-386-10193-0

, 2018
© РИПОЛ Классик, 2018

Содержание

Блаженные провидцы	5
Праведный Прокопий Устюжский	5
Молитва святому блаженному Прокопию, Устюжскому чудотворцу	11
Блаженный Василий, Московский чудотворец	12
Молитва святому блаженному Василию, Московскому чудотворцу	22
Блаженный Иоанн, прозванный Водоносцем и Большим Колпаком	23
Молитва блаженному Иоанну	27
Блаженная Ксения Петербургская	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Величайшие русские пророки, предсказатели и провидцы Составитель Д. В. Рублёва

Блаженные провидцы Юродивые, стяжавшие дар прозорливости и чудотворения

*Много высоких и славных, но тайны открываются смиренным, ибо велико могущество Господа, и Он смиренными прославляется.
Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова. Глава 3, 19–20*

*Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христе; мы немощны, а вы крепки; вы в славе, а мы в бесчестии. Даже доныне терпим голод и жажду, и наготу и побои, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками. Злословят нас, мы благословляем; гонят нас, мы терпим.
Первое послание к Коринфянам Святого Апостола Павла. Глава 4, 10–12*

Праведный Прокопий Устюжский (XII–XIV вв.)

Мы не знаем, как звали его родителей, какого был племени и из какого города происходил этот человек, о котором преосвященный Филарет (Гумилевский) в составленных им «Житиях святых, чтимых православной церковью», говорит так: «неизвестно, шел ли кто в России прежде блаженного Прокопия по пути юродства» – и называет его «первым образцом юродства о Христе в России». Эти биографические сведения, как и время рождения Устюжского чудотворца вряд ли удастся установить, разве что появится машина времени и позволит нам путешествовать в глубь веков. А все дело в том, что лишь в XVI веке было составлено первое житие Прокопия, по прошествии нескольких поколений после его кончины, и в нем предостаточно несоответствий. Достаточно сказать, что временем смерти Прокопия указывается 1302 год, между тем как отдельные события происходят то в XII, то в XV столетии. Впрочем, житие – это жанр литературы, оно существенно отличается от обычного описания жизни, в котором события располагаются в порядке последовательности и которые чудес никаких не содержат.

Итак, как говорится о нем в Житии, Прокопий был молодым купцом католического вероисповедания, «из западных стран от латинского языка и земли немецкой», прибывшим однажды с богатым грузом в Новгород, в дни славы и могущества этого русского города, где со времен былинного Садко селились богатые заморские торговые гости – иноземные негодичанты.

Когда прибыл в Новгород, он невольно был поражен множеством и красотой церквей и монастырей, дивным звоном многочисленных колоколов, а еще набожностью народа и усердием его в отношении церковных служб – ничего подобного Прокопий даже не чаял встретить среди людей, которые не повиновались папизму. Когда же молодой человек, движимый любо-

знательностью, посетил храм Святой Софии и другие церкви, услышал там стройное пение, увидел чинное и благоговейное служение, торжественность и благообразие обрядов православной церкви, то он был растроган до глубины души, умилился настолько, что решил оставить торговлю и принять православие.

Учителем, мудрым и разумным, истинным наставником в вере Христовой стал для Прокопия старец Варлаам¹, подвизавшийся в Хутынском монастыре, основанном незадолго до того, в 1192 году. Варлаам старался во всем подражать преподобному Варлааму Хутынскому, основателю обители, славившейся строгостью устава и святостью жизни иноков.

Прокопий поселился в монастыре и жил там, наставляемый мудрым подвижником. Особенно трогали его жития преподобных и Христа ради юродивых, которые добровольно подвергали себя различным лишениям и трудам и при этом старались скрывать свои подвиги от всех. «Вот как люди трудились и терпели для спасения своей души, – думал он. – Вот примеры, которым мне должно подражать». С каждым днем чувствуя все большее отвращение от мирской жизни, все сильнее воспламеняясь любовью к Богу, Прокопий принимает святое крещение и раздает все свое имущество нищим и неимущим и в монастырь преподобного Варлаама, на церковное строительство храма Преображения Иисуса Христа.

Вскоре Прокопий «приемлет юродственное Христа ради житие и в буйство преложися». Иными словами, он принимает на себя подвиг юродства Христа ради, притворившись человеком, лишенным здравого рассудка, согласно Апостолу, гласящему: «Братия, Бог избрал житие простодушных в мире этом, чтобы посрамить власть сильных и рассудочных мира сего, и для этого выбрал людей покорных и неимущих, дабы изничтожить имущих людей».

Юродство Христа ради – необычайный и один из труднейших видов христианского подвижничества. Этот тяжелейший из трудов во имя Господа добровольно принимали на себя по особому благословению ревнители благочестия, Божии избранники, которые всю деятельность духа сосредоточивали исключительно на том, чтобы распять плоть свою со страстями и похотями², стать выше своей чувственности, покорить высшему духовному закону все порывы греховной человеческой природы, чтобы по мере сил, постепенно возрастая духовно, всецело жить в Боге и для Бога.

Юродивые, их еще называют блаженные, шли путем строжайшей аскезы, крайнего самоотречения. Выдавая себя за безрассудных людей, отрешаясь от общепринятого уклада, эти притворные безумцы совершали величайшие подвиги: наподобие древних пророков, они обличали всякую неправду в людях независимо от их звания и общественного положения, возвращали погибающих на пути истины и добра, раскрывали строго оберегаемые от других тайны человеческого сердца, исцеляли болезни тела, а более недуги духа, пророчествовали о событиях, касающихся не только жизни отдельных людей, но и целых государств, а то и всего мира.

Дар пророчества приписывается почти всем юродивым. Духовное прозрение, высший разум и смысл являются наградой за поправление человеческого разума подобно тому, как дар исцелений почти всегда связан с аскезой тела, с властью над материей собственной плоти.

Прокопий считается первым настоящим юродивым на Руси, и принял на себя он этот подвиг в Новгороде, который с тех пор стал родиной русского юродства.

Все известные русские блаженные XIV и начала XV века или жили в Новгороде, или происходили из этого города. Здесь, в частности, «буйствовали» в XIV веке юродивые Николай (Кочанов) и Феодор, пародируя своими стычками новгородскую «демократию», а попросту говоря, буйную вольницу, когда решения принимались в результате кровавых столкновений местных партий, кулачных боев стенка на стенку, которые устраивались на мосту через Волхов. Кто брал верх – за теми была и правда. Указывая на нелепость этого обычая, жившие на разных

---

¹ В миру Вячеслав Прокшинич, жил в Хутыни и умер там же в 1243 г.

² Послание к Галатам святого апостола Павла, 5:24.

берегах Волхова юродивые постоянно переругивались через реку. Когда один из них пытался перейти на противоположный берег Волхова, – Николай жительствовавший на Софийской стороне, а Феодор обитал на Торговой, – то другой обыкновенно прогонял его с моста или гнал по мосту назад, крича: «Не ходи на мою сторону, живи на своей!» Однажды вот что случилось при этой вражде. Николай гнался за Феодором до Волхова, и Феодор, не попав на мост, пошел по воде, как по мосту, а Николай, догоняя его также по воде, бросил в Феодора попавшийся ему кочан капусты, за что и прозвали его Кочановым.

Что до самих новгородцев, то, узнав о том, что он принял святую веру и раздал все свое имущество, сам же превратился в юродивого и оделся в разодранные, непотребного вида одежды, став блаженным Христа ради, они стали восхвалять Прокопия. Некоторые даже намеренно приходили в Хутын ради того, чтобы воочию видеть подвижника, слава о котором распространилась во всех пятинах³ новгородских.

Блаженный Прокопий, конечно же, всегда слышал эти слова от людей, которые обращались к нему и превозносили его похвалами. Но, приходя к старцу Варлааму и передавая ему все похвальные слова, сказанные людьми, он затем добавлял, что не требует этого совсем и славы этой тленной не желает ни видеть, ни слышать от людей, поскольку будущей вечной жизнью хочет наслаждаться и наукой великой и назиданием наставника. И высказывал желание удалиться из Хутины и отправиться в путешествие в восточные страны, где повелевает ему быть Господь. Мудрый же старец Варлаам, слыша от него такие слова, стал говорить Прокопию, что не следует тому «исходить из монастыря в мир», пока не прекратятся толки о нем среди людей, и даже убеждал «побыть здесь хотя бы в течение одного года в затворничестве». И блаженный Прокопий отвечал наставнику: «Я, отче, не нуждаюсь в этом и не хочу здесь оставаться. Сотвори обо мне, грешном, молитву ко Господу Богу и благослови меня на путешествие». Как он ни старался, Варлаам не мог его остановить, и, наставив и напутствовав своего ученика, старец с молитвой и благословением отпустил его в путь.

Оставив новгородские пределы без всяких средств к жизни, с тощей котомкой за плечами, в бедной одежде, Прокопий отправился в путешествие в неизвестные ему «восточные страны», неся в руках три кочерги или деревянные клюки⁴. Шел он по непролазной грязи, болотам, продираясь сквозь чащобы дремучих лесов, отбиваясь кочергами от лютых зверей. Часто усталый странник после длинного пути в течение целого дня оставался без пищи, спал под открытым небом в дождь и ветер, если не встречалось сострадательной души, которая бы пожелала накормить и успокоить его, потому что Прокопий, какой бы голод он ни испытывал, никогда ничего не просил и представлялся глупцом. За свой дикий вид и «непотребное» поведение переносил он от грубых людей множество обид, «досаду и укорение и биение и пхание», замерзал от зимних вьюг и морозов, а в летнее время изнывал от солнечного зноя; днем ходил как юродивый, а ночью, гоня прочь сон, молился Господу Богу непрестанно, оплакивая свои грехи. Прокопий терпел смиренно: взвалив на плечи тяжкий крест юродства, нес его молча, только мысленно говорил: «О Прокопий, подобает тебе, претерпев многие муки, войти в Царствие Небесное, ибо только прилагающие усилия достигают его». И утешая свою душу такими милосердными словами, блаженный Прокопий переходил из страны в страну, из города в город, все далее и далее углубляясь на восток, и пришел он к достойному месту, которое было назначено ему Промыслом, – «великому и славному» городу Устюгу.

Появление в городе неизвестного юродивого с кочергами в руках и в жалком рубище вскоре привлекло к нему внимание жителей. Прокопию и здесь скоро пришлось претерпевать насмешки и брань грубых людей, которые не стыдились даже бить его без всякого повода с его

---

³ Пятина – один из пяти административных районов, на которые делились земли Великого Новгорода в Древней Руси.

⁴ На иконах св. Прокопия изображают с тремя кочергами в левой руке. Замечено было, что в тот год, когда он их носил вверх головами, бывал хороший урожай во всем; когда же оборачивал кочерги головами вниз, бывали и хлебный неурожай, и недостаток других всяких плодов.

стороны: в духовном смысле еще менее развитые, чем дети, они не могли понимать поступков «духовного человека». Блаженный же Прокопий, точно чужим телом, воспринимал с благодарностью и покорно переносил все эти оскорбления от неразумных людей, он не хотел причинить им никакого зла и лишь молился за них, говоря мысленно: «Господи! не вмени им греха сего»⁵. Что до самого города, то его церковная красота понравилась блаженному настолько, что он принял решение остаться в Устюге навсегда.

Жизнь блаженного Прокопия была такой. Днем он представлялся безумным и юродствовал на городских улицах, а по ночам обходил все устюжские церкви, становился на колени и со слезами молился, прося у Бога помощи городу и людям. Когда же святой хотел обрести покой от своих многочисленных трудов или поспать немного, тогда он на краткое время ложился где придется: в сарае без крыши, на куче навоза, на голой земле или на каменных плитах паперти, не прикрывая почти свое нагое тело. И зимний мороз и снег, и летний солнечный зной, и осенний пронизывающий дождь – все это переносил блаженный Прокопий с радостью, благодаря Бога.

Долгое время скитаясь по Устюгу, отовсюду гонимый и оскорбляемый, праведный Прокопий выбрал наконец местом постоянного своего жительства угол паперти соборной апостольской церкви Пресвятой Богородицы, высокого сооружения, срубленного из дерева. Здесь он стал пребывать постоянно: летом и зимой, днем и ночью, не входя ни к кому в дом и не беспокоясь ни о пище, ни об одежде. Если сострадательные и добрые люди подавали ему милостыню, он принимал подавание с любовью и благодарностью, хотя и не каждый день. От богатых же, считая, что те наживаются неправдою, не брал никогда ничего, невзирая на то, что нередко и по несколько дней кряду оставался без какой бы то ни было пищи вообще.

Однажды ночью была лютая стужа. Сильная вьюга засыпала дома, а от мороза птицы на лету замерзали и падали на землю замертво. Можно представить, каково было нагому Прокопию на паперти Устюжского собора. Терзаемый холодом, блаженный стучал во все окрестные избы, но никто даже в окошко не выглянул; он пытался войти в стоящие напротив собора хижины нищих, но одни запирали дверь, а другие прогоняли его палкой. Наконец страдалец нашел сарай, где в углу лежали бездомные собаки, друг к дружке прижавшиеся, от мороза скулящие. Прокопий хотел было лечь около них, с четвероногими теплом поделиться, от них самому согреться. Но даже собаки его не приняли, оскалились с рыком, вскочили и последнюю одежку на юродивом порвали, едва он от них отбился своими кочергами.

И пошел раб Божий Прокопий на место обычного своего ночлега – на паперть церковную; совсем окоченев, дрожа всем телом и ожидая смерти, юродивый закрыл глаза и принялся сам себе шепотом читать отходную, молить Бога принять душу его. И в тот самый момент, когда холод ледяной пятерней самое сердце его стиснул, почувствовал Прокопий отрадное тепло и услышал над головой у себя тихий шорох. Подумал он, что это поземка шуршит, замечая его снегом, открыл глаза и увидел перед собой Божия ангела, который, раскрыв белые крылья, наклонился над Прокопием. Коснулся светлый ангел лица его горячими перстами, и приятная теплота разлилась по всему телу распрощавшегося уже с бременной жизнью юродивого.

Об этом блаженный поведал только Симеону, благочестивому клирику соборного храма в Устюге, да и от того потребовал поклясться никому о том дивном событии не рассказывать до самой кончины его, Прокопия. «А отчего ты знаешь, что я раньше тебя не помру?» – любопытствовал клирик. «Не знал бы, не рассказывал, – ответил юродивый. – Я теперь много чего наперед знаю».

Так и было: в награду за подвижнический подвиг непрестанной молитвы и юродства перед людьми ему был дан свыше дар провидеть и творить чудеса. И одно из них было свя-

---

⁵ Деяния Святых Апостолов, 7:60.

зано напрямую с упомянутым церковнослужителем, к которому Прокопий питал духовную приязнь, но не Симеону открыл блаженный радостную тайну, которую провидел.

Однажды вместе со своими родителями во время вечерни проходила мимо соборной церкви Успения Богоматери трехлетняя Мария, дочь местного посадского человека. В это время толпа у храма благоговейно слушала вечернее пение. Обычно являвшийся людям как безумец, юродствуя перед ними, в этот раз Прокопий выступил перед отроковицей, поклонился ей до земли и во всеуслышание произнес: «Вот идет мать великого отца святого Стефана, епископа и учителя Пермского». Многие видевшие и слышавшие это люди удивились словам блаженного, но едва ли хоть один принял их за пророчество, ведь в то время в пермской земле никто еще не веровал во Христа, все тамошние жители были язычниками. Что до Марии, то она впоследствии стала женой Симеона и действительно родила в супружестве с ним Стефана, просветителя финно-угорских народов.

В течение многих лет клирик был очевидцем пребывания Прокопия на паперти церкви и сподобился усмотреть в нем под маской юродства великую мудрость духа и Господню благодать, Симеон принимал его в своем доме, оказывал ему всяческое уважение. Но другие совершенно не умели понять и оценить Божьего человека, чьи беспрестанные попытки наставлять их лишь раздражали устюжан.

Напрасно в 1290 году день за днем в течение недели блаженный Прокопий без усталости ходил по Устюгу и непрестанно призывал жителей каяться и молиться в грехах своих и поспешить умоливать Бога постом и молитвами, «иначе город погибнет от града огненного». Никто из беспечных горожан не принимал к сердцу призывы юродивого, он в одиночестве днем и ночью молился в храме, чтобы избавил их Господь от гнева правды Своей, чтобы не погубил их, как погрязшие в грехе Содом и Гоморру, за их беззакония. Горожане не слушали его, более того, они хотели даже изгнать из храма надоевшего им слезными молитвами блаженного. Но когда, приблизившись к городу, накрыла Устюг огромная черная туча, пронизываемая молниями, когда день превратился в ночь и от не прекращающегося грохота затряслась земля под ногами и стали рушиться дома, – тогда-то устюжане вспомнили о проповеди Прокопия. Сознавая теперь, что городу грозит гибель, они в ужасе устремились в соборный храм Богоматери, где уже находился и перед иконой Благовещения Богородицы молился со слезами Прокопий. Весь народ с рыданиями и воплями присоединился к нему, надеясь спастись от Божьего гнева. И случилось чудо: как знамение о спасении Великого Устюга на иконе выступило миро, и храм наполнился благоуханием. Тем временем туча с громом и молниями двинулась в сторону от города, удушливый зной рассеялся и над Устюгом вновь засияло солнце. Скоро стало известно, что в двадцати верстах от Устюга, в урочище Котовальском, случился невиданный камнепад, повалив лес, разбив в щепки столетние деревья. Даже спустя века можно обнаружить последствия этой катастрофы. Но ни один человек не погиб, и даже скот везде не пострадал. Между тем из святой иконы истекло такое количество мира, что им наполнили все церковные сосуды; помазавшиеся им больные исцелялись от своих болезней. В том же 1290 году спасительное для города событие было увековечено в установлении празднования Устюжской иконы Божией Матери⁶. День празднования – 21 июля (8 июля по старому стилю).

Самого же Прокопия с тех пор стали весьма почитать, дарить благосклонностью и любовью. Устюжане прислушивались к его словам, воспринимая их как наставление или как предупреждение. Но святой юродивый, приписав дивное избавление города от неминуемой гибели милосердию Богородицы, жизнь вел все такую же скромную, не признавая никаких благ.

Было у него излюбленное место – камень на высоком берегу реки Сухоны, недалеко от соборной Успенской церкви. Прокопий часто сживал там, смотрел с обрывистого берега вдаль и всегда молил Господа уберечь людей, которые переплывали широкую беспокойную реку.

---

⁶ В настоящее время образ находится в Третьяковской галерее.

Все в Устюге знали, что, пока сидит блаженный Прокопий над обрывом, можно смело верить судьбу свою неверной стихии и плыть на другой берег даже в утлой лодчонке: неведомая сила поддержит на воде, поможет преодолеть Сухону. На этом полюбившемся ему месте юродивый пожелал покоиться после того, как придет его час отойти к Богу. И он убедительно просил ходящих мимо устюжан предать земле здесь его останки, а камень, на котором сидит нынче, положить на его могиле.

Однажды летом, достигнув уже глубокой старости и убедившись сединами, но пламенно молясь по обыкновению ночью на паперти, почувствовал Прокопий знакомое прикосновение к щеке. Подняв глаза, увидел он пред собой белого ангела. «Готовься, Прокопий, подходит к концу твой подвиг земной», – сказал ему Божий посланник и, сообщив, что Господь призовет блаженного к себе 8 июля, тут же исчез. На следующий день Прокопий рассказал всем о чудесном явлении и с нетерпением стал ожидать названный ангелом день.

Теплой ночью на 8 июля Прокопий вышел за пределы города, опустился на колени и помолился в последний раз, поблагодарив Бога за все благодеяния, которыми Тот наградил его в жизни. Потом лег на бок, перекрестился и, свернувшись калачиком, тихо испустил дух.

Той же ночью случилось невиданное: несмотря на то что на дворе стояло теплое лето, земля покрылась выпавшим снегом. И еще одна небывалость ожидала устюжан: впервые за много десятков лет Прокопий не появился в храме ко времени службы. Горожане принялись искать его по всему Устюгу, обошли все церкви, но безуспешно, обнаружили только по прошествии трех дней. Прокопий лежал под сугробом, так и не растаявшим, хотя снег повсюду уже сошел от жары. Сугроб укрывал тело святого юродивого подобно белому савану. Подивившись, устюжане похоронили Прокопия над Сухоной, согласно его желанию, на том самом месте, где он так любил подолгу сидеть, молясь за плавающих по реке. И положили над его гробом простой камень.

Спустя полтора столетия после его кончины в Нижнем Новгороде случилась страшная для того времени беда: на город напала чума, забирая беспощадно тысячи жизней. Люди в ужасе хотели бежать из города, однако вокруг него были выставлены заставы, чтобы повальная болезнь не вышла за пределы Новгорода. Отчаявшиеся горожане принялись покорно готовиться к неминуемой смерти. Однако в это время им стал являться во снах Прокопий, который обещал, что если поставят они всем миром в городе Великий Устюг церковь в память Христа ради юродивого Прокопия, то чума отступит от Новгорода. Народ взялся собирать деньги на храм. И свершилось великое чудо: страшная болезнь отступила, и все, кто дал деньги на строительство или обет помогать возводить храм, выжили.

На деньги, собранные новгородцами, в Великом Устюге в самом деле был построен храм, но только не в честь Христа ради юродивого Прокопия, а во имя святых князей Бориса и Глеба и великомученика Георгия. 1 августа 1490 года среди ясного дня ударила молния в эту церковь, и она сгорела дотла. Горожане сразу поняли: Господь наказал их за то, что ослушались они повеления святого блаженного. Устрашившись, что будут наказаны эпидемией, устюжане в 1495 году построили новую деревянную церковь уже во имя праведного Прокопия.

С тех пор множество больных исцелилось у гроба этого праведника, парализованных, бесноватых, слепых, хромых, разного возраста и звания – и все прославляли великого Божьего угодника, который даровал им избавление от тяжелых недугов. Также были замечены явления Прокопия.

Память Прокопия Устюжского празднуется 21 июля, в день его преставления.

Молитва святому блаженному Прокопию, Устюжскому чудотворцу

О великий угодниче Божий и чудотворче, блаженный Прокопие! Тебе молимся и тебе просим: молися о нас ко Всемилостивому Богу и Спасу нашему Иисусу Христу, да пробавит милость свою к нам недостойным, и дарует нам вся, яже к животу и благочестию потребная: веры убо и любве преспеяние, благочестия умножение, мира утверждение, земли плодоносие, воздухов благорастворение и во всем благом благое поспешение. Страждущую страну Российскую от лютых безбожников и власти их Господь да свободит, и да возставит престол православных правителей; верных рабов Его, в скорби и печали день и ночь вопиющих к нему, многоболезный вопль да услышит и да изведет от погибели живот наш. Стольный град, град твой Устюг и вся грады и веси Российская, предстательством твоим соблюди невредимы от всякаго зла. Всем православным христианом, ты молитвенно призывающим, комуждо по нуждам их, потребная даруй: болящим исцеление, скорбящим утешение, бедствующим поможение, унывающим ободрение, нищим снабдение, сирым призрение, всем же нам дух покаяния и страха Божия испроси, да благочестно скончавше временное сие житие, сподобимся благу христианскую кончину получитьи и Царствие Небесное со избранными Божиими наследовати. Ей, праведниче Божий! Не посрами упования нашего, еже на тя смиренно возлагаем, но буди нам помощник и заступник в жизни, в смерти и по смерти нашей: да твоим предстательством спасение улучивше, купно с тобою прославим Отца и Сына и Святаго Духа, и твое крепкое заступление о нас, во веки веков. Аминь.

Блаженный Василий, Московский чудотворец (1468 или 1469? – 1556)

На Красной площади, за деревянной Троицкой церковью, что на Рву, подальше от любопытных глаз, мужики мутузили нагого юродивого в цепях. Били без спешки, методично, однако старательно. Блаженный по земле вертелся, звякая цепями, калачиком сворачивался, прикрывая локтями ребра, защищая коленями живот, а ладонями прикрывал лицо, заросшее всклокоченной бородой. Шустро и умело уворачивался, по всему видать, не раз в подобных передрягах оказывался да научился, как калекой не остаться.

Наконец мужики умаиваться стали, даже тот, который больше других старался, махнул рукой на кряхтящего юродивого, досадуя, что не в сапогах вышел из дому, обулся в лапти и теперь ноги об цепи оббил. Один же из тех, что подключился к делу, когда уже на юродивого тумачи посыпались, полюбобытствовал, за что тому проучение досталось. Когда получил ответ, что блаженный в калашном ряду с лотка торговца Прова калачи скидывал, удовлетворенно утер пот со лба, довольный, что не понапрасну потрудился.

Мужики повытаскивали из-за кушаков шапки, со словами «Помилуй Господи» осенили себя крестным знамением, глядя на храм. Потом покрыли головы и двинулись в сторону торговых рядов. Наблюдавший за ними сквозь пальцы юродивый сел на землю и оглядел себя. Убедившись, что цел и невредим, он встал на колени, повернувшись к храму спиной, к Москва-реке лицом, и, широким движением руки крестясь, принялся бить поклоны.

– Ты что ж это вытворяешь? – вскричал один из его вразумителей, оглянувшись на юродивого. – Разве ж можно храму зад казать, крестясь на воду?

– Нет в том греха, чтоб креститься на воду, нас всех водой крестили, а вот на могилку собственную креститься не пристало? – откликнулся блаженный.

Другой мужик, поглядев на купола храмовые и снова себя крестом осеняя, возмутился:

– Могилу-то где ты увидал здесь?

– Я наперед много чего завсегда вижу, – отвечал юродивый с хихиканьем. – Тому еще не скоро время придет, что сегодня мне видимо.

– Не пойму, о чем он толкует, – сказал мужик с досадой. И поглядел на другого: – Никак обидное что? Может, еще ему наподдать?

– Будя с него, – ответил тот. – Юродивые никогда ясно не говорят. Айда к Прову, нам от него калачи за услугу причитаются.

Пров, чьи лотки с калачами блаженный Василий стал опрокидывать и, не отгони его мужики, весь товар бы его по земле разбросал, отблагодарил добровольных помощников не скупясь – щедро угостил каждого своей сдобой. Сам калашник с крепким телом Василием связываться не решился. Да и вид почти голого круглый год блаженного заставлял его робеть: волосы длиннющие сваялись в неразделимые космы, борода вся нечесаная, на руках и на ногах ногти так отрасли и скрутились, что, кажется, назад в плоть врастают – к такому даже подступиться страшно.

Да только не рады оказались мужики дармовым калачам Прововым и спустя три дня заявили к нему в ряды торговые да накинулись со словами бранными. Радуюсь щедрому угощению, они понаедались от пуза, а под вечер каждого скрутило, да так, что они потом три дня то и дело до ветру бегали, едва успевали портки стягивать.

Струхнувший Пров признался, что калачи испек из негодной, с плохой примесью муки, пожалел выбрасывать. Мужикам после трехдневного прослабления не до кулачной расправы было, по пятаку получивши в утешение от торговца, они направились в медовый ряд. Когда увидели по пути юродивого с цепями на голом теле, то, обступив его, принялись они извиняться, мол, знать не знали, что он негодный товар с лотков скидывал. Копеечку каждый поже-

лал ему подать, но Василий отказался, сказал со смехом, по бедрам ничем не прикрытым себя хлопая, что некуда ему подавание прятать за неимением карманов. «Хлебца лучше купите, – добавил напоследок, – братьев своих покормлю».

Целый каравай мужики ему купили, да юродивый ломоть небольшой отломил и вернул им хлеб. И к храму направился. Мужикам любопытно стало, какие такие братья могут быть у нагого юродивого, и следом за ним двинулись. А Василий перед храмом уселся, принялся крошить ломоть и крошки птичкам разбрасывать.

Мужикам захотелось расспросить юродивого, какого он рода, откуда в Москву пришел, но тот снова темно заговорил, не понять вовсе, о чем речь ведет. Они обратились к нищим перед храмом, но и те мало что прояснили: кто он и откуда, одному Богу известно, а здесь, на Красной площади, сколько себя помнят нагой сидел, почитай, всегда.

Но они ошибались, Василий, прозванный Блаженный, не всегда сидел нагой посреди Москвы.

Будущий блаженный, Василий появился на свет в декабре 1468 года (по другим источникам – в 1469 г.), в семье крестьян, или «простых людей», согласно летописи XVII века, в селе под названием Елохово, тогда подмосковном. Ныне это район станции метро «Бауманская», и там находится Богоявленский кафедральный собор. В XV же столетии это была окраина Москвы, а сама она, точно к мамке, жалась к стенам Кремля из камня. Что и говорить, то были крутые времена: и татары набеги устраивали, и русские князья раз за разом что-то между собой делили, и лиходеи всякие по дорогам окрестным промышляли.

Предание гласит, что Василий родился на паперти церковной, у храма Владимирской иконы Богородицы. Родители – кроме того, что звали их Иаков и Анна, житие ничего не сообщает – отдали отрока учиться сапожному делу. Юный подмастерье старательно осваивал ремесло, но при этом постоянно размышлял про что-то свое и часто молился.

Однажды к сапожнику пришел богатый купец, мужчина крупного сложения, как бочка круглый, с лоснящимся лицом и румянцем во все щеки. Радуюсь себе самому, поведал купец сапожнику, что его привело в мастерскую: ему захотелось иметь сделанные так крепко сапоги, чтоб они целый год не изнасились.

– Через три дня сапоги тебе без надобности будут, – заметил подмастерье неожиданно.

Цыкнув на ученика, мастер заверил купца: стачает он ему сапоги такие, что сносу им не будет. Сговорились о цене, и купец, сказав, что через три дня он придет за сапогами, удалился с довольным видом. Радуюсь хорошему заказу, сапожник удовлетворенно потер руки, а Василий между тем никак слезы унять не мог.

– Чего плачешь? – спросил его мастер.

– Жалко купца, – отвечал Василий. – Сапоги хочет такие, чтоб без сносу были, а сам вскоре изнасиется, даже примерить обновку не успеет.

Не уразумев темных слов ученика, сапожник в сердцах сплюнул, ругнул Василия и взялся заказ выполнять.

А спустя два дня мастер узнал, что заказчик его преставился. Вот что, оказывается, подразумевал подмастерье, когда странные слова свои говорил: Василий провидел судьбу купеческую, смерть его предсказывал. Вскоре оставил ученик сапожника и колодку, и дратву и, в чем быв, порог дома переступил и пошел, куда направит дорога.

И так угодно было Господу, что из села Елохово вышел сапожников ученик Василий, а в Москву юродивый пришел, Василий Блаженный. По пути растерял он одежду свою, в город вошел как есть нагой, будто народился на свет только что. Да по сути так и было оно. И новая жизнь началась у Василия: принял на себя он юродства подвиг, который потяжелее вериг будет, много тяжелее.

Денно и ночью молился Василий, на паперти ночи проводил под открытым небом: ни дождь ему был нипочем, ни жара со зноем, ни стужа. Разве что зимой, в особенно лютые морозы, у кого-нибудь в сенях переночевывал.

Поначалу затерялся было Василий среди многого числа московских блаженных и нищих. Странные поступки только отличали его от остального люда убогого вида, да народ на Москве привычен был ко всякому, удивить его было трудно: мало ли кто и как чудачит, каждый ум теряет по-своему.

Но однажды в 1521 году событие произошло такое, после которого привлёк к себе внимание народа московского Блаженный Василий, люди даже намеренно стали на Красную площадь заходить, чтобы его увидеть. Как-то ночью молился Василий в Кремле возле Успенского собора, перед северными его воротами. Вдруг шум ужасный поднялся в храме, пламя запылало в окнах. Следом Владимирская икона Богородицы с места сдвинулась, и донесся с небес сильный голос женский, упрекавший народ московский в несправедности жизни, в воровстве, в винопитии безмерном и другого вида грехах. Заступница Москвы изрекла, что оставляет город, что нет ей места в греховном пристанище.

Пал ниц Блаженный Василий, со всей истовостью, обливаясь слезами, принялся молить Богородицу не лишать покровительства Москву, не покидать город. Завидев в храмовых окнах огонь, множество сбежавшегося народу стало вместе с юродивым молиться. И вот шум в храме стих, погас в окнах огонь. Богородица смилостивилась. Москвичи же накрепко запомнили, кто стал первым молить остаться Божью Матерь. И они его слушать стали старательно, внимательно присматриваться к поступкам юродивого.

Блаженный Василий не одни только калачи Прова разбрасывал в ряду калашном. У других торговцев он квас кислый из кувшинов на землю выливал, у третьих крупу сорную рассыпал. Для него тайным не было ничего, в мешки да в бочки заглядывать ему надобности не было – и без того юродивый обо всех всё ведал, видел всё. Он провидел сердца и мысли людские.

Замечено было за ним, что Василий со слезами целовал стены тех домов, где предавались пьянству, или горланили бесстыдные песни, или другое что святости противное вытворяли. И в то же время бросал камни в углы домов, где жили благочестивые, верующие всей душой люди.

– Что ж ты, юродивый, делаешь? – пытали его. – Не попутал ли чего?

– Это бес вас всех попутал да лишил зрения, – отвечал Василий вздыхая. – Не видимо вам, что в домах, где пьянствуют, бранятся да хулят Бога, нет места светлым ангелам, бесы живут в таких домах, потому ангелы рядом стоят, жмутся к стенам, скорбя с унынием. А в те дома, где живут люди благочестивые, бесам не попасть, вот и воют от злобы на улице, что не могут внутрь войти, под крышей по углам сидят.

Было раз, возле ворот Покровских нищий уселся, милостыню принялся просить. Долгодолго смотрел на него Блаженный Василий, а потом стал кидать в него камнями, гнать прочь. Видевший это народ взялся нищего защищать, укорять Василия, почто, мол, тот обижает убогого.

Не тратя слов на ответ, Василий схватил с земли палку и кинулся на нищего. Тот испуганный вид принял и... исчез, точно провалился сквозь землю, на том же месте, где он сидел, осталась кучка монет. И в самом деле он провалился, сам нечистый в образе сирого подаяния просил, на дело доброе прохожий люд прельщал, а тому, кто милостыню подавал, посылал блага всякие, вводил в соблазн. Одному Василию удалось лукавого в нищенском образе разглядеть.

Как-то пожаловали на Москву заморские купцы, по городу взялись разгуливать да красотам местным дивиться. На площадь Красную зашли, Кремлем стали восхищаться. А потом увидели торговцы приезжие Блаженного Василия и, удивляя весь православный люд, в ноги юродивому, до самой земли принялись кланяться да благодарить с жаром за что-то, богатые подарки пытаться дарить.

Оказалось, вот в чем дело было. Когда купцы по морю плыли, неистовая буря разыгралась, ударившей в борт волной смыло лоцмана, и как отчаянно ни старался рулевой налегать на штурвал, все одно напрямиком на камни правил. Вдруг увидел он на палубе рядом с собой человека странного вида, и тот стал указывать рулевому, в какую сторону следует корабль вести. Миновали камни купцы, а когда беда позади осталась, хотели было они спасителю благодарность отдать, да тот скрылся уже, как и появился – по воде ушел, словно посуху. Придя на Красную площадь, узнали торговцы в юродивом московском спасителя своего, указывали на него со словами: «Мы этого человека своими глазами видели по морю ходящим!..»

Шли в другой раз по Красной площади девицы озорные, увидели блаженного Василия да смеяться стали его наготу, и только разумная одна среди них упрекнула за то подружек. Пальцем погрозив девицам, юродивый сказал: «Не все замечать надобно, что видимо глазам. Бегите прочь отсюда, не то темнота вас настигнет. Мне Бог заступник, Он вам бесстыжие глаза затмит».

В ответ на слова такие девицы глупые лишь посмеялись. И в тот же миг словно ночь темна их окутала: только что день яснее ясного был, а вот им и зги божьей не видать уже, топчутся на месте, спотыкаются, друг дружку толкают. Не дошло сразу до неразумных, что они зрения лишились. Когда же уразумели, то ударились тут же в плач горький. Разумница помянутая, упрекавшая подруг, чтобы над юродивым не смеялись, зрячей осталась, она сообразила немедленно: это Господь Бог наказал товарок ее за насмехательство глупое над блаженным благочестивым.

Понятливая девушка подхватила под руки ослепших девиц, потянув их за собой, опустилась перед Василием в пыль, принялась просить его простить ее несмышленных подружек. И те вторили ей, плача горько, Богом клялись, что не было зла в их насмехательстве, по собственной глупости языкам волю дали, из-за неразумности своей. Юродивый сжалился над ними и, моля Господа прощение даровать девицам несмышленным, в глаза им дыхнул, и те сразу прозрели.

Однажды компания молодых купцов под хмелем остановила блаженного, стала потешаться над ним, приставать. Тот, что был задиристее остальных, куражился:

– Что бы нам, Вася, не подружиться, станешь будущее мне предсказывать, поведаешь, какие назавтра дела меня ожидают...

– Никак нельзя мне дружбу с тобой заводить, – головой качая, отвечал юродивый, – черт чернее ночи сидит в тебе, он-то и друг тебе. А про завтрашний день попусту хлопчешь, не бывать для тебя завтраму, на встречу к чертяке твоему черному скачут верхом другие черти черные.

Посмеялись словам Василия Блаженного купцы молодые и дальше двинулись, песни пьяные затягивая.

В переулок узкий свернули, а им навстречу опричные люди в рясах черных на конях вороных едут. Компания купцов-молодчиков в сторону отходить, пропускать верховых нежелала, вспыхнула перебранка, и скорые на расправу опричники выхватили сабли из ножен да порубили весельчаков хмельных. Так и не настал завтрашний день для загулявшего купца молодого.

Стояли морозы лютейшие в Москве, а Блаженный Василий только жалким рубищем прикрывал свое тело, не защищая ничем его от холода. Один боярин весьма набожный и сердобольный, со слезами прося, в знак любви его уговорил юродивого принять шубу из лисьего меха. Стал Василий поверх лохмотьев своих и цепей шубу носить, укрываться покровом меховым от морозов. Углядев на нем обнову богатую, взялись одни лихие люди придумывать, как бы лишить его шубы. Силой отнять не выйдет – крепок телом Василий, да и народ за юродивого как есть заступится. Самый хитрый из воров тогда и сказал:

– Пущай Васька шубу сам отдаст.

– Вот еще! – пожали плечами его подельники. – Никто одежду такую сам не отдаст!

– Блаженный – он же дурак, разумения не имеющий, враз его вместе обманем, – возразил жулик-хитрован.

Улегся он на мерзлую землю на дороге, а дружки принялись бегать вокруг него, ахать-охать стали, хватать за рукава лисьей шубы Василия, тащить его к якобы бездыханному поделнику.

– Гляди, юродивый, – восклицали хором, – человека мороз заморозил! Укрыть его надобно, дай свою шубу!

Едва поглядел он на лежачего, Василию обман сразу раскрылся, но он про то умолчал, сбросил со вздохом скорбным шубу с плеч и покрыл ею человека на земле, притворившегося мертвым. А потом такие слова сказал:

– Лисья шуба, хитрая, скрой лисье дело, хитрое. Будь же ты отныне мертв по-настоящему, ибо, Бога и Его суда Страшного не убоявшись, обманом захотел милостыню принять.

И пошел своей дорогой. А обманщики кинутись к дружку своему хитрому, принялись нахваливать его за придуманный обман, шубу подняли да и застыли столбами: мертвый их поделник оказался.

Взяла печаль большая великого князя московского Василия: наследников нет как нет, престол княжеский передать некому. Порешил он развестись с Соломонией Сабуровой, с которой два десятка лет в супружестве законном прожил. Задумано – сделано: князь благоверную свою против воли ее в монастырь отправил, а сам сочетался браком с молодой красавицей, княжной Еленой Глинской.

Вслед за этим блаженный Василий стал, ходя по городу, со слезами причитать: «При жене здравствующей другую в жены взять – грех немалый, грядет, грядет беда великая».

Время шло, однако и новая, молодых лет жена не родила дитя великому князю. Как-то раз Елена Глинская остановила возле Кремля возок свой, в окошко выглянув, подозвала Блаженного Василия и, монетку ему подав, осведомилась:

– В народе говорят, все ты, юродивый, знаешь наперед, скажи мне, рожу я князю Василию наследника?

Посмотрел он ей в глаза:

– У тебя вскорости сын родится.

Княгиня воскликнула:

– Это радость большая!.. Что же тебя печалит? – полюбопытствовала она.

– Крепок умом твой сын будет, да нрава крутого, – отвечал юродивый со вздохом. И добавил, перекрестив возок: – Как природа проявит себя при рождении его, так он и царствовать будет.

Спустя год, 25 августа 1530 года, молодая княгиня разрешилась от бремени. Сына великого князя московского Василия нарекли Иоанном. Гром оглушающий и молнии ослепляющие сопровождали его появление на свет, в тот день над Москвой разразилась невиданная дотоле гроза. Так пришел на Русь Иоанн Васильевич, будущий царь, которого прозовут Грозным.

В пору отрочества царя Иоанна и гибельных боярских смут жизнь блаженного Василия служила явственным укором для развратного люда и утешала тех, кто страдал без вины от своеволия необузданных страстей. Тяжко было праведнику наблюдать людские грехи. Он плакал за людей, потому что любил их, и слезы его вели многих его современников к покаянию.

К тому времени, как возмужал Иван Васильевич и взошел на царский трон, относится и признание святости Василия Блаженного, который подвигами великими и пламенной молитвой очистил свою душу и тем удостоился дара предвидеть будущее. Митрополит Макарий, святитель Московский, самолично рассказал самодержцу про святого человека, и оба они с радостью прославили Бога за то, что Он во время жизни их воздвиг такого подвижника.

«Степенная книга» рассказывает, что летом 1547 года Василий Блаженный молился на Остроге в Вознесенском монастыре, перед срубленной из дерева церковью Воздвижения.

Молясь же, рыдал он, лия слезы горькие. Проходящий мимо люд посмеивался: мол, причины нет никакой, а глупый плачет. Юродивый же с печалью великой говорил: «Смеётесь напрасно, сегодня глупый за весь город плачет, завтра весь город рыдать будет».

На следующий день, 23 июня, Воздвиженская церковь загорелась, «буря велика» усиливала огонь, и он стал стремительно распространяться по Москве. Город превратился в пылающий костер, над которым клубились тучи густого дыма. Деревянные постройки исчезали, каменные здания разрушались, железо становилось рдяным, а медь текла, как в горниле.

Молодой самодержец Иван Васильевич, пять месяцев всего как сидевший на престоле, в ужасной спешке оставил охваченный огнем город и укрылся в селе Воробьево. Оттуда, с гор Воробьевых, он и наблюдал, как Москва выгорает: огонь уничтожил треть всех построек города, что до погибших, Карамзин говорит, что было найдено 1 700 обгорелых тел.

Спустя три дня, 26 июня, лишившийся в одночасье и имущества, и кровя московский люд, который подбивали бояре, ворвался в Кремль и стал требовать выдачи литовской родни царя, «литвинов» Глинских. По Москве стали распространяться слухи, что город спален был посредством колдовства, и молва обвинила в том «волхования» бабки Ивана IV, княгини Анны. Она будто бы разрывала могилы и вырезала у покойников сердца, потом сушила их и, истолчив в порошок, добавляла в воду. Этой огненной, колдовской водой она, превратившись в сороку, окропляла дома и улицы города, летая над Москвой. Еще говорили среди народа, что Василий Блаженный, который предсказал страшное бедствие, якобы тоже летал над Москвой, гнал прочь сороку, защищая тем самым город.

С тех пор еще большего уважения сподобился блаженный. Тем не менее однажды он еще раз был крепко бит. Не могли удержаться ужаснувшиеся и возмущенные паломники, когда возле ворот Варварских, у церкви тамошней Василий расколотил камнем писанный на доске и считавшийся в народе чудотворным образ Богородицы. После того, как они поколотили юродивого, богомольцы осколки образа собрали и в храм понесли: даже разбитая икона не должна на земле валяться, грязью под ногами скверниться. Попытавшись сложить и очистить образ, священники обомлели: под красочным слоем с ликом Божьей Матери, так, что его было невозможно заметить, скрывалась изображение черта, так называемая «дьявольская харя». Только покровительство святое позволяло Василию, юродивому «Христа ради», распознать дьявола там, где никому тот был не виден, и предотвращать страшные кошунства.

После происшествия этого ни один человек больше руки не поднимал на Василия, несмотря на то, что блаженный продолжал совершать странные поступки. А мальчишек, которые камешки ему в спину бросали, он будто и не замечал вовсе: что, мол, взять, с детворы несмышленной. За подавания же благодарил всегда, будь то горбушка черствая или пряник сдобный. Что из платья приносили ему, то он другим сырым отдавал. Грош поданный – тоже, а то и богатому вручал, со словами: «Возьми, везучий, денежку. Для тебя, многим владеющего, и копейка прибыль. А я ничего не имею, меня грош один богаче не сделает».

Иван Грозный как-то позвал блаженного Василия к себе в палаты царские, приласкал, разговоры с ним водил. А когда пришло время прощаться, то попросил он божьего человека поведать, когда смерть его, царя, придет.

Юродивый лоб нахмурил, задумался, но ответил без утайки:

– Знамение тебе о том будет. Над Ивана Великого колокольной огнем крест в небе загорится. Увидишь такое, так и знай: час твой смертный пришел.

– Что мне смерть принесет? – осведомился самодержец. – Каленая стрела, булатный меч или человеково злодейство?

– Смертельный яд в кубке поднесет тебе слуга твой из самых приближенных. Однако имя его, государь, открыть тебе не могу, не гневайся.

Грозный, чей вид один заставлял трепетать и страх ужасный испытывать многих людей, юродивому московскому спускал все дерзости его, все слова непочтительные: склонный к

мистицизму русский монарх считал, что Василий Блаженный провидит сердца и мысли людские. Однажды ему самолично довелось в этом убедиться.

В тот раз во время богослужения в храме царь, вместо того, чтобы слушать молитву и самому молиться, мыслями пребывал на Воробьевых горах, где строился его новый дворец. Иоанн Грозный размышлял про обустройство и украшение дворцовых палат.

Когда служба завершилась, и царь через ворота покинул храм, к нему подошел Василий Блаженный.

– Василий, ты где был? – спросил Грозный. – В храме я тебя не видел.

– А я тебя видел, государь, – отвечал юродивый, – да только ты не в храме был, а на горах Воробьевых!

Справедливый упрек заставил устыдиться царя, и, который раз удивленный прозорливостью блаженного, он дал ему обещание впредь во время службы вовсе не помышлять про мирское и суетное⁷.

Иван IV не только милостиво привечал юродивого, он даже на пиры свои его приглашал. Как-то во время одного из празднеств, в честь именин Грозного, блаженному Василию поднесли задравную чашу, но тот, осенив себя крестным знаменем, выплеснул вино за окно. Увидев это, царь помрачнел лицом, еще одну чашу велел поднести гостю юродивому. Василий сделал с вином то же самое. А потом и третий раз вылил вино из чаши за окошко.

– Никак ты, юродивый, пренебрегаешь угощением царским?! – взорвался Грозный и посохом ударил в пол.

– Не гнеvisь, государь, – отвечал с поклоном Василий Блаженный. – Я вином твоим пожар в Новгороде заливал.

Не веря на слово юродивому, царь отправил в Новгород гонцов. Вернувшись, нарочные подтвердили: в день именин Иоанна, в тот час, когда восседал он за пиршественным столом, в Новгороде начался пожар страшный, полгорода огонь охватил. Из-за нехватки воды для тушения шло к тому, что весь Новгород сгорит дотла, но внезапно появился неизвестно откуда мужик нагой, вылил воды три ведра в огонь, и пожар быстро прекратился, утих, словно и не вспыхивал. А мужик как сквозь землю провалился.

Один из списков его жития содержит рассказ о том, как Василий Блаженный, уже после того, как отправился в мир иной, спас от разгрома Великий Новгород, к которому во главе войска опричников двигался Иван Грозный, чьим намерением было усмирить новгородцев, наказать их за свободолюбие. И непременно случилась бы беда страшная, умылся бы слезами и кровью город, да внезапно предстал перед царем, когда въехал он на мост через Волхов, уже почивший в бозе святой Блаженный Василий. Натянув поводья, царь спешил и приблизился к юродивому. Не произнеся ни единого слова, тот за руку повел Ивана Грозного под мост, в пещеру, где стал потчевать его мясом сырым, кубок с кровью свежей подавать.

Скривившись и плюясь, царь стал отмахиваться от угощения, страшнее какого не видел в жизни, юродивый же поднял руку, на небо указывая: там сквозь черную дымную пелену видны были невинные жертвы жестокого немилосердного погрома. Испугавшись, Грозный царь велел опричному войску своему поворачивать от Новгорода, отправляться восвояси. И в то же мгновение в кубке с кровью вино оказалось, а мясо сырое превратилось в медовый арбуз.

Справедливости ради следует сказать, что аналогичный эпизод содержится в житии псковского Николы, другого блаженного, и в некоторых фантастических сказаниях про Христа ради юродивого Феодора Новгородского. Впрочем, такова природа молвы русского народа – самое лучшее и праведное связывать с деяниями его любимцев избранных.

---

⁷ Житие Василия Блаженного не содержит обличений Ивана IV в жестокостях, между тем народное предание свидетельствует настойчиво, что московский юродивый со всей суровостью упрекал царя за его прегрешения. Рассказы эти были распространены настолько, что даже иноземцы о них сообщали. Впрочем, блаженный Василий не дожил до того, самого страшного периода царствования Ивана Грозного, когда целые потоки безвинно пролитой крови обогрили Русь.

Василий Блаженный при жизни претерпел множество невзгод и лишений, но несмотря на это дожил до глубокого старческого возраста. За два года до девяностолетия он тяжело заболел и, провидев день собственной смерти, попросил о причащении. Узнав, что Божий человек находится при смерти, Иван Грозный пожелал с ним проститься лично. Царя сопровождала супруга Анастасия с младшим сыном Федором, робкого вида, болезненным мальчиком, и старшим отроком, престолонаследником Иваном.

Отходящий юродивый якобы по очереди благословил царицу и Федора, которому сказал, что тот обретет достояние всех его прародителей, и назвал наследником. На просьбу царя благословить на будущее царство старшего его сына Василий отвечал, что тому царем не бывать и что будущее царевича обогрено кровью. Назвав слова юродивого вызванным болезнью бредом, помрачневший Иван Грозный осведомился, получит ли он сам благословение блаженного. Василий ему в этом отказал, сказав, что царю Ироду от него не будет благословения. Монарх покинул умирающего чернее тучи.

Тем не менее списки жития святого блаженного Василия говорят, что 2 августа 1556 года Иван Грозный присутствовал при его погребении вместе с митрополитом Макарием и даже, с помощью приближенных и родственников, нес на плечах гроб преставившегося юродивого до кладбища у Троицкой церкви на Рву. Впрочем, это житийное свидетельство, и ему противоречат сведения, содержащиеся в летописях, а именно то, что за месяц до 2 августа 1556 года Иван Грозный пошел походом на Казанское ханство и в этот день находился под Алатырем⁸.

Тысячи москвичей собрались на похороны Василия Блаженного, причем каждый желал дотронуться до его гроба. Увечные и недужные, которым это удавалось, тотчас же исцелялись, что подтверждало святость почившего в Бозе юродивого. И сразу же после его смерти началось народное почитание блаженного Василия. На это обратил внимание Джайлс Флетчер, английский поэт и дипломат, который в 1591 году издал сочинение «О государстве Русском», где он, в частности, написал про умершего несколько лет тому назад «особенного блаженного» по имени Василий, «который решался упрекать покойного Царя в его жестокости и во всех угнетениях, каким он подвергал народ. Тело его перенесли недавно в великолепную церковь, близ царского дворца, в Москве, и причли его к лику Святых. Он творил здесь много чудес, за что ему делали обильные приношения не только простолюдины, но и знатное дворянство, и даже сам Царь и Царица, посещающие этот храм с большим благоговением».

Упомянутая англичанином «великолепная церковь» – это Покровский собор, построенный на месте Троицкой церкви на Рву через несколько лет после того, как Иван Грозный в октябре 1552 года взял Казань и покорил Казанское ханство, в память об этом знаменательном событии. В царствование сына Грозного Федора Иоанновича над местом погребения святого чудотворца московского был возведен придел собора Покрова Пресвятой Богородицы, и среди народа, а потом и де-факто за храмом закрепилось имя Василия Блаженного. Над могилой святого юродивого по распоряжению Федора I была установлена серебряная рака с позолотой, укрытая покровом с изображением Василия, отделанным жечугом и драгоценными камнями. Поверх убранства, отличавшегося роскошью, презираемой юродивым при жизни, лежали тронутые ржавчиной вериги, которые он носил на себе. Надгробие из серебра и богатый покров не сохранились, мощи же московского блаженного Василия сейчас находятся в земле, «под спудом».

Предсказания Василия Блаженного продолжали сбываться и после его кончины. 14 ноября 1581 года, потеряв от гнева рассудок во время одного из припадков, которым он был подвержен, Иван Грозный смертельно ранил своего сына, престолонаследника царевича Ивана,

---

⁸ Такая же история с посещением умирающего блаженного Василия Грозным в сопровождении царицы Анастасии с царевичами Федором и Иваном. Оно не могло состояться в 1552 году, так как старший сын Ивана IV появился на свет в 1554 году, а младший – в 1557-м. Расхождение это связано с традицией считать, что Василий Блаженный умер в 1552 году. Между тем старейший список его жития (находится в Чудовской Минее 1600 г.) называет другую дату кончины – 1557 год.

который спустя несколько дней скончался. Несмотря на то, что он горько сокрушался о сотворенном и даже осознавал собственные грехи, как следует из его «Послания в Кирилло-Белозерский монастырь» (1571), в котором царь называет себя окаянным, скверным, псом смердящим и говорит: «Сам повсегда в пиянстве, в блуде, в прелюбодействе, в скверне, в убийстве, в граблении, в хищении, в ненависти, во всяком злодействе», – несмотря на все это Грозный оставался ожесточен сердцем и продолжать творить зло до конца своего царствования, формально продлившегося 50 лет и 150 дней.

Что до кончины самого самодержца, этому, как и провидел святой юродивый, предшествовало невиданное природное явление: в январе 1584 года в московском небе, прямо над колокольной Ивана Великого, появилась огромная крестообразная комета. Большой царь долго смотрел на огненный крест, а потом, вспомнив пророческие слова блаженного Василия, покрылся бледностью, уразумев, что видит знамение своей смерти.

Что последовало далее, находим описание в «Записках о Московии» Джерома Горсея, английского дворянина и дипломата, который в 1573–1591 годах жил в России, управляя английской торговой компанией. Он сообщает, что встревоженный царь, не зная, что предпринять, в гневе приказал немедленно доставить множество чародеев и колдуний, откуда, где их больше всего, а именно между Холмогорами и Лапландией. Шестьдесят кудесников были размещены под стражей в Москве. Каждый день их кормили, и каждый же день к ним навещался любимец царя Богдан Бельский, единственный человек, которому Грозный доверял узнавать и передавать ему предсказания о том, что ему хотелось знать. Этот его сподвижник и любимец, «устав от дьявольских поступков тирана, от его злодейств и от злорадных замыслов», злился на царя, которого теперь заботили лишь обороты солнца. Чародеи и ворожеи сообщили Бельскому: «самые сильные созвездия и могущественные планеты небес» враждебны царю, и они предрекают, что он скончается 18 марта. Бельский не решился сказать все это царю, а тот, когда узнал, в ярости вскричал, что в названный день скорее все они в огне сгорят. Между тем у Ивана Грозного начали страшно распухать половые органы – как свидетельство того, что он пятьдесят лет кряду непрерывно предавался греху; он сам похвалялся, что растлил тысячу дев и что тысячи собственных детей лишил жизни.

16 марта царю стало значительно хуже, он даже впадал в беспамятство и передвигался уже с великим трудом, так что, если ему требовалось по какой-то надобности покинуть свои палаты, скажем, показать сокровища иноземным гостям, его выносили на носилках. Однако 17 марта он почувствовал облегчение от действия теплой ванны.

За тем, что происходило с русским царем 18 марта 1584 года, снова обратимся к «Запискам» Горсея. Англичанин сообщает, что в полдень Иван Грозный пересмотрел свое завещание, хотя вовсе не мысли о смерти побудили его к этому, поскольку «его много раз околдовывали, но каждый раз чары спадали, однако на этот раз дьявол не помог». Царь велел главному из своих лекарей и аптекарей «приготовить все необходимое для его развлечения и ванны». Желая узнать, что сулят созвездия, он который раз послал к чародеям Богдана Бельского. Придя к ним, любимец царя сказал, что тот прикажет закопать их в землю или спалить на костре живьем за их ложные пророчества, потому что ныне, по их басням, ему должно умереть, а он чувствует себя много бодрее. Колдуны отвечали так: «Не гневайся, господин. Сам знаешь, день кончается только с заходом солнца».

Бельский спешно вернулся к больному царю, который уже готовился войти в ванну. Он пробыл в ней три часа, «развлекаясь любимыми песнями, как он привык это делать». Выйдя из ванны около семи часов, Грозный почувствовал себя хорошо освеженным. «Его перенесли в другую комнату, – пишет далее Джером Горсей, – посадили на постель, он позвал Родиона Биркина, дворянина, своего любимца, и приказал принести шахматы. Он разместил около себя своих слуг, своего главного любимца и Бориса Федоровича Годунова, а также других. Царь был одет в распахнутый халат, полотняную рубаху и чулки; он вдруг ослабел и повалился навзничь.

Произошло большое замешательство и крик. <...> Тем временем его [царя] охватил приступ удушья, и он окоченел».

Так свершилось последнее прижизненное предсказание святого блаженного Василия, Христа ради юродивого, Московского чудотворца.

Память Василия Блаженного празднуется 2 августа, в день его кончины.

Молитва святому блаженному Василию, Московскому чудотворцу

О, великий угодниче Христов, истинный друже и верный рабе Всетворца Господа Бога, преблаженне Василие! Услыши ны многогрешныя, ныне вопиющия к тебе и призывающия имя твое святое: помилуй ны припадающия днесь к раце мощей твоих: приими малое наше и недостойное сие моление, умилосердися над убожеством нашим, и молитвами твоими исцели всяк недуг и болезнь души и тела нашего грешнаго, и сподоби ны течение жизни сея невре- димо от видимых и невидимых враг безгрешно прейти, и христианскую кончину непостыдну, мирну, безмятежну, и Небеснаго Царствия наследие получитьи со всеми святыми во веки веков. Аминь.

Блаженный Иоанн, прозванный Водоносцем и Большим Колпаком (сер. XVI в. – 3 июля 1589)

Во второй половине XVI века по городам и селам русским немало скиталось нищих и юродивых. По большей части это был убогий люд, а именно калеки и больные. Но среди них выделялся один уроженец страны Вологодской, где, по рассказам, мужики местные перенимали от медведей силу тела. Крепко сложенный, румяный и здоровый, в молодости он, согласно житию, уйдя из родительского дома, для изнурения своей плоти избрал тяжкую работу водоносом на соляных варницах – отсюда и соответствующее прозвище, связанное с этим периодом⁹. Трудился он бесплатно, а подкреплением сил ему служили пост строгий, молитва усердная и смирение великое.

Между тем строго трудовая жизнь не удовлетворяла запросов сердца Ивана, и в нем зрело желание к высшим подвигам. И однажды было молодому вологодцу видение, направившее его жизнь по подвижническому пути. Что именно ему привиделось, о том водонос никому словом не обмолвился, но даже если что и поведал, письменных свидетельств об этом до нас не дошло. Как бы там ни было, он тайно оставил Вологду и направился в Ростов, где «учини себе жилище» близ монастыря, в крохотной келии, избрал тяжкий, чрезвычайный подвиг юродства о Христе и принял имя Иоанна.

Множество дорог исходил юродивый Христа ради Иоанн, множество тягот перенес, какой бы ни был мороз, тело его прикрывало лишь жалкое рубище, ноги же и вовсе оставались босыми. Волосы не стриженные у него сваялись, образуя шевелюру до плеч, он их посыпал пеплом или покрывал смолой. Стремясь обуздать свою плоть, он носил на себе тяжелые вериги с крестами из меди, вместо пояса использовал цепи. Кисти рук его отягощали железные кольца, железные же и медные тесные кольца стискивали пальцы. Блаженный Иоанн не снимал никогда со своего тела вериг и цепей, не бывал никогда в бане. Славу ему принесло его благочестие и нетерпеливость к невоздержному винопитию.

Что до известности среди народа, он ее приобрел так. Будучи однажды в Калуге, по обыкновению тихий и спокойный блаженный Иоанн, согласно преданию, сохранившемуся в перемышльском Лютиковом монастыре, ни с того ни с сего впал в отчаянное беспокойство. Он вертелся на одном месте подобно волчку, опускался на корточки, пятернями по бедрам себя хлопал, суматошно бегал от дома к дому по всему городу, колотил кулаками в двери и в ставни, за полы и рукава хватал проходящих мимо, жутким их видом своим страшая, и при всем при этом кричал: «Железные двери, железные затворы!»

Немалое время он таким своим поведением и жуткими воплями пугал ничего не понимающих людей, потом один из пожилых горожан, наделенных мудростью, сообразил: надо прятать добро, нажитое трудами тяжкими, в каменные погреба с запирающимися железными дверьми. А вскоре полыхнул огонь по городу, и ужасный пожар уничтожил в одночасье торговые ряды и практически все деревянные постройки. Лишь благодаря предупреждению блаженного Иоанна те калужане, которые прислушались к его словам, спасли хотя бы самую ценную часть своего имущества.

К великому сожалению, несмотря на то, что он был одним из известнейших русских юродивых Христа ради, сохранилось очень мало фактов из жизни блаженного Иоанна.

---

⁹ Согласно другой версии, прозвище Водоносец у святого Иоанна появилось в связи с тем, что он бесплатно носил для людей воду.

Что касается пребывания в Ростове, куда он пришел около 1580 года, там блаженный стал дружен с преподобным Иринархом Затворником. Навестив его как-то раз, он посоветовал ему носить на теле железные кресты и предсказал учительство его повсеместное и польское на Москву: «Даст тебе Бог силу провидения, даст поучать людей от востока до запада, наполнять землю учениками, отводить людей от пьянства. За незаконное же пьянство и разврат Господь Бог найдет на Русскую землю иноплеменных. <...> Но их Святая Троица Своею силою прогонит».

Вскоре Божий промысел привел Иоанна в Москву, где он поселился у собора Покрова Пресвятой Богородицы, что на Рву. В Москве за ним закрепились такие прозвища (не считая прозвища Московский), как Большой Колпак, Великий Колпак или Великоколпачник, Железная Голова, а причиной вроде бы послужило ношение им необычного головного убора, немалого веса колпака (в поздних вариантах Жития – шапки) из железа. Между тем отдельные современные исследователи подвергают сомнению эту версию происхождения характерного прозвища святого блаженного и настаивают на том, что А. С. Пушкин, который, создавая образ юродивого Николки для своей драматической трагедии «Борис Годунов», в первую очередь подразумевал Иоанна, допустил поэтическую вольность. Точнее сказать, в «Годунове» просто-напросто отразилось бытовавшее тогда представление, что блаженный Иоанн носил на голове колпак из железа. Наиболее же вероятно, что своего легендарного прозвища широко известный московский юродивый удостоился за то, что в качестве верхней одежды он использовал хитон с широким валяным капюшоном. Это находит частичное подтверждение в иконописных образах Иоанна, на которых он представлен в хитоне с большим капюшоном или с большим колпаком под мышкой или в руках. В иконописных подлинниках (по списку Г. Д. Филимонова) внешний вид этого юродивого описан так: «Подобием старообразен, брада невелика, едва мало знать; главою плешив, лицом морщиноват, власы русы, назад свалилися; свита празеленная, пуговицы до подолу; в левой руке клюка, и колпак велик, ноги босы». Что касается наилучшего изображения блаженного Иоанна, то считается, что оно представлено на «Древе государства Российского» (другие названия: «Похвала Владимирской иконе Божией Матери», «Насажение древа государства Российского») – одним из вариантов Владимирской иконы Богородицы, созданном в 1668 году знаменитым русским московским иконописцем Симоном Ушаковым¹⁰.

Страстные порицания московского юродивого заставляли испытывать робость не только тех, кто пьянствовал, но и тех, кто имел власть. Он всех без разбору уравнивал перед Богом, кому угодно, невзирая на происхождение и звание, Блаженный Иоанн мог без боязни изречь правду в лоб, что и характерно для настоящего юродивого. Призывая народ молиться и каяться, святой ходил по всему городу, однако большую часть времени он пребывал на Красной площади, где загадочными словами, несвязно предсказывал грядущее лихолетье, повторяя то и дело, что на Москве будут множество «видимых бесей» (позднее эти его слова были интерпретированы как пророчество о событиях Смутного времени).

В позднейшем предании, которое нашло отражение в агиографических текстах XIX–XX веков, сообщается, что блаженный нередко вступал в острые дискуссии с боярами и даже, оставив его, часто беседовал с Борисом Годуновым, всесильным главой правительства при Федоре I Иоанновиче. Он якобы даже говорил будущему царю: «Умная голова, разумеи Божьи дела! Бог долго ждет да больно и бьет!»¹¹. Мрачней лицом и ничего не отвечая, Годунов сле-

¹⁰ Образ был написан для иконостаса церкви Троицы в Никитниках, Иоанн Большой Колпак изображен в верхнем медальоне на правой ветви. В настоящее время икона хранится в Третьяковской галерее.

¹¹ Упомянутый в прошлой главе Дж. Флетчер, который находился в Москве в 1588–1589 годах, в своем сочинении «О государстве Российском» сообщает, не приводя его имени, что в это время ходил по городу нагой юродивый и что он «восстановлял всех против Годуновых, которых почитают притеснителями всего государства». Если английский дипломат подразумевал Большого Колпака – значит, этот юродивый подражал Василию Блаженному, и это делает данный факт уникальным.

довал дальше, быстро крестясь. Вместе с тем он не позволял трогать Иоанна: или относился с доверием к его пророчествам, или не решался наказать юродивого, облеченного любовью народа.

Каждый раз, когда бывало ведро, Иоанн становился на колени в центре площади, вскидывал голову и с молитвой на виду у прохожих продолжительное время неотрывно глядел на солнце. Тем, кто пенял ему, что он себе глаза попортит, и спрашивал, для чего на солнце смотрит не шурясь, блаженный отвечал: «Промысел это мой, про солнце праведное помышляю».

Московский люд привык круглый год видеть на Красной площади босоногого юродивого в позвякивающих под его власяницей тяжелых веригах. Настоящий сын своей родины, блаженный Иоанн не столько к собственному спасению стремился, сколько пекся про спасение своих соотечественников. Благодаря Божьему промыслу сподобившись пророческого дара, он предсказывал будущие трагедии и тем самым побуждал сограждан своих молиться об их предотвращении и каяться. Подвижник был способен духовным взором прозревать тайники душ людских, и это позволяло ему правдиво, открыто и со всей суровостью порицать греховное, порочное бытие своих единомыслителей, говоря им нелюбезную правду.

Знойным июльским днем 1590 года Иоанн Большой Колпак, сидя посреди площади, по своему обыкновению глядел на солнце. Вокруг него собрались мальчишки, поддразнивая юродивого и донимая вопросом, что он на небесном светиле увидал. Тот все больше молча улыбался или изредка отделялся шуткой, но в какой-то момент неожиданно стал серьезным, глаза Иоанна распахнулись, а лицо его, застыв, стало словно каменное. Притаив дыхание, он стал совершенно неподвижен, точно старался что-то расслышать. Замерла и назойливая ребятня, сдвиганная необычайным его преображением.

Долго-долго блаженный Иоанн бездвижно сидел с распахнутыми глазами, обратив лицо к солнцу. Наконец, выйдя из оцепенелого состояния, он встал, подтянул руками кверху железную цепь, скреплявшую железные кольца, что отягощали его ноги, и направился напрямик в церковь Живоначальной Троицы и Пресвятой Богородицы, честного и славного Ее Покрова, что на Рву, прозванную среди народа храмом Василия Блаженного.

Войдя со звоном железным под сень церковную, он повертел головой, осматриваясь, и, разглядев его в полумраке, приблизился к протопопу Димитрию. Тот осведомился, что привело юродивого во храм. Вещая пророчески, блаженный Иоанн отвечал, что ищет место, «где бы ему пожить». Протопоп, поняв, что тот желает быть похороненным в храме, пообещал юродивому, что будет ему такое место. Со вздохом облегчения Иоанн двинулся к выходу.

Заинтересовавшиеся его поведением зеваки, которые пошли за юродивым в собор, переглянулись недоуменно, не уразумев ни слова из короткого диалога, и отправились восвояси. Те же, кого любопытство не оставило, последовали за блаженным Иоанном.

А тот между тем по Васильевскому спуску направился к Живому (Москворецкому) мосту. Возле моста ему повстречался хромой нищий по имени Григорий. Юродивый спросил его, как давно он хромает и что привело к болезни. Григорий рассказал, что прошло уже два года, как он повредил ногу, и с того времени она его донимает болью и не сгибается. Выслушав ответ, Иоанн как бы не нарочно наступил хромому нищему на больную ногу. Вскричав, тот схватился за нее и тут же осознал, что безболезненно ее согнул. Блаженный же сказал Григорию, чтобы тот не скрывал исцеления, которое через него дал ему Господь, и рассказал о произошедшем «протоиерею и служащим при церкви Покрова Божьей Матери и святого Василия Блаженного».

Потом Иоанн пересек мост и вошел в «мирскую баню», где не бывал немало лет. В бане он снял с себя вериги и три раза облился водой, тем самым готовя себя к погребению. Потом лег на скамью, сложив себе под голову все свои «обременительные тяжести», и сказал присутствующим: «Простите меня, братие. Было мне Божие знамение, что я сейчас помру. Когда преставлюсь, отнесите меня в церковь Покрова Богородицы, к могиле Василия Блаженного,

чтобы протопоп с братией похоронили мое тело». После этих слов он испустил дух, отходя к Господу с миром.

Случилось это, согласно Житию блаженного, в третий час пополудни 3 июля. Последнюю волю Иоанна исполнили не мешкая: протоиерей с остальным духовенством собора перенесли остатки святого в «свою» церковь, при этом присутствовало множество людей. Наутро протопоп со всей братией, все священники и дьяконы и весь причт церковный начали молиться об упокоении души умершего. К моменту его положения во гроб собралось множество народу, и у мощей святого Иоанна исцелился Елеазар Юрьев, боярский сын, который в течение двадцати лет мучился от болезни глаз.

Отличавшийся набожностью царь Федор I Иоаннович, который много слышал о подвигах юродивого и ценил их, повелел, чтобы его отпевал весь священный собор Москвы. При погребении присутствовал сам самодержец, первый Патриарх Московский Иов, отпевали блаженного Иоанна митрополит Казанский, архиепископ Рязанский, настоятели монастырей, протопопы, священники, диаконы, клирики и множество народа – мужчины, женщины и дети, стар и млад.

Во время погребения было знамение с небес: разразилась буря с громом и молниями; церковь Покрова содрогнулась стенами, разбились окна; ризничего Рязанского архиепископа убило молнией в алтаре; дьякона Покровского собора Пимена «еле жива вынесли»; священника Иоанна из Коломенского уезда подняло бурей над церковными дверьми и ударило о землю так, что он полтора часа оставался без сознания, а когда очнулся, то успел лишь покаяться перед смертью; много народа было покалечено, оглушено и опалено грозой. В летописном описании этой небесной кары сказано, что только Богу ведома ее тайна. Более поздние же интерпретаторы полагают ее предвестием до основания потрясших в скором времени Русское государство событий, а именно смуты и безвластия, испытаний волнениями, смутой и безначалием для Руси.

В скором времени после преставления блаженного Иоанна у его могилы стали получать исцеление многие верующие, которые с усердной молитвой обращались к нему за помощью, – уже начиная с 14 июля 1589 года (и на протяжении следующего), когда выздоровела женщина по имени Варвара, в течение двадцати лет страдавшая от болезни ног. В рукописной записи Покровского храма значилось семнадцать подобных чудесных исцелений.

После обретения их нетленными 12 июня 1672 года, мощи блаженного Иоанна были положены «под спудом в приделе Покровского собора близ раки святого Василия Блаженного». Тут же, в Ризоположенском приделе, находились вериги его весом 1 пуд 30 фунтов, служа напоминанием священнослужителям и мирянам о тяжести земного пути того, кто взял на себя подвиг юродства во Христе.

Дни памяти блаженного Иоанна, Христа ради юродивого, Московского чудотворца: 12 июня празднуется обретение его нетленных мощей, 3 июля отмечается его блаженная кончина.

Молитва блаженному Иоанну

О великий угодниче Христов Иоанне, собравшися днесь во всечестный храм сей, усердно припадаем к тебе и, любовью ту целующе доблественные подвиги твоя и в них Самого прославляемого во святых Своих Подвигоположника Христа Спасителя, даровавшего тебе не точию, еже веровати в Него, но и еже ревностно Ему последовати, похвалами ублажаем и со слезами молим тя: о имый дерзновение ко Христу Спасу, о спасении всех верных ходатае Иоанне! Моли с нами, по неизреченному твоему милосердию, от всех умоляемого Бога о чадородии безчадных, и о всем отечестве нашем, о всех христоименитых людей, да милостивно не отставит от нас вся ко спасению и житию нужная прошения и дарует христианскую кончину животу нашему, безболезненну, непостыдну, мирну, Божественных Таин причастну, и всем, на всяком месте во всякой скорби и обстоянии требующим Его человеколюбия и помощи, великую Свою подаст милость, да Божественною Его благодатию и твоим теплым предстательством, душею и телом всегда здрави пребывающе, выну прославляем дивнаго во святых Своих Бога Израилева, не удаляющего помощи Своея от нас всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Блаженная Ксения Петербургская (перв. полов. XVIII в. – не позднее 1806 г.)

Ксения Григорьевна появилась на свет в Санкт-Петербурге, тогдашней столице Российского государства, в первой половине XVIII века, между 1719–1730 годами. О родителях блаженной, о том, где она воспитывалась и получала образование, сведений не сохранилось. Что до происхождения, то, вероятно, она принадлежала к дворянскому сословию, поскольку состояла в браке со служившим при дворе певчим полковником Андреем Федоровичем Петровым, а жили супруги в доме, приобретенном на приданое Ксении Григорьевны.

Молодые супруги проживали на Петербургской стороне, в районе, который слыл лучшей частью города в начале века, но к середине его превратился в место, где находил пристанище по большей части бедный люд. Ксения стала женой Андрея Федоровича в возрасте восемнадцати лет, и несмотря на то, что Бог не дал им детей, жизнь их текла тихо и мирно, в любви и взаимном уважении.

Но неожиданно пришла беда. На четвертом году счастливого брака Андрей Федорович скоропостижно скончался. Внезапность смерти была такова, что супруг Ксении не успел ни покаяться в своих грехах перед священником, ни причаститься Святых Тайн. Будучи благочестивым человеком и, как и Андрей Федорович при жизни, глубоко веруя в Бога, она тяготилась сознанием, что любимый супруг не по своей воле не получил причастия и что теперь бессмертная душа его обречена вечно мучиться.

Ночами напролет до похорон Ксения молила Господа спасти душу любимого Андрея Федоровича, просила о наставлении в том, как ей устраивать дальнейшую свою жизнь. И было ей откровение: представившись Ксении в видении, преподобная Мария Египетская возвестила молодой вдовице, что та свыше благословлена на суровое подвижничество и скитания Христа ради. Сподобившись благой вести и духовного прозрения, Ксения, пожертвовав Господу собственный разум, взяла на себя тяжкий крест юродства.

Духовно преобразившись, она поменялась и внешне: Ксения Григорьевна постарела лицом и побелела сединой. В день похорон она переоделась в мужнину одежду и в таком виде провожала гроб его до кладбища. Будучи отныне похожей на Андрея Федоровича, она стала и отзываться лишь на имя покойного супруга. Когда, обращаясь к ней, окружающие называли ее Ксенией, она отвечала: «Ксения Григорьевна умерла, а тут перед вами Андрей Федорович», – и просила смиренно в дальнейшем так ее и называть.

После похорон супруга Ксения, как и подобает поступать тому, кто вступил на путь служения ближним через юродство во Христе, раздала бедным все вещи свои и раздарилажитое в браке имущество, деньги отнесла в церковь, а дом подарила подруге, вдове унтер-офицера Прасковье Ивановне Антоновой, завещав ей пускать бездомных нищих на ночлег даром. Поблагодарив ее, Прасковья Ивановна поинтересовалась:

– Чем же ты сама жить станешь? На что будешь кормиться?

– Господь Бог питает птиц небесных, заботится обо всем живом, а я не хуже птицы, – отвечала молодая вдова. – Пусть воля Его будет.

Родственники Ксении по мужу, обеспокоенные ее психическим здоровьем и недовольные ее благотворительным поступком, обратились в полицию. Ксению вызвали на беседу, в результате которой был сделан вывод: молодая вдова здорова совершенно и потому имеет полное право поступать со своим имуществом так, как ей самой заблагорассудится.

Спустя недолгое время о доме, в котором каждый сирий мог найти бесплатное пристанище, прознал весь нищий люд Санкт-Петербурга, сама же улица, на углу которой он располагался, получила странное прозвание: Андрей Петрович – видимо, фамилия Петров преобразо-

валась в отчество. Сегодня эта улица носит название Лахтинской, а на том месте, где находился дом Ксении и Андрея Федоровича, красуется сквер.

Что до Ксении, то она до последнего дня своей жизни отзывалась только на имя Андрей Федорович¹². В простом белом платке на голове, с сумой за плечами и палкой в руке она ходила по Петербургской стороне, в основном в районе прихода церкви святого Апостола Матфея, в мужском платье. От непогоды оно быстро приходило в негодность, истрепывалось и ветшало. Отрывающиеся лоскуты милого ее сердцу мундира Ксения бережно хранила, пряча на груди. Когда же одежда изнашивалась окончательно, блаженная стала носить красную кофту и зеленую холщовую юбку – цвета формы почившего мужа. Согласно свидетельствам полиции, которая в течение некоторого времени наблюдала за ней по причине необычного поведения женщины и неизвестности пребывания ее в ночное время, Ксения часто оставалась в поле за пределами города, где, какой бы ни была погода, молилась всю ночь, встав на колена. Лишь в лютейшие морозы – впрочем, весьма редко – она ночевала в домах у знакомых.

Ксению дарили любовью, к ней относились сочувственно, ее старались подкормить и стремились подать ей милостыню. Но блаженная не брала никогда больше «царя на коне», как она называла медную старинную копейку с изображением верхового Георгия Победоносца, побеждающего Змея. И хотя подавали ей часто, для собственных нужд она оставляла сущие гроши, ровно столько, чтобы купить самое необходимое, а остальное отдавала нищим и нуждающимся. Среди народа сохранилась память о том, как ее «копеечная» помощь помогала нескольким сотням бедных семейств сводить концы с концами.

Вскоре было замечено, что если утром на рынке она заходила в лавку и брала пирожок или что-то еще, то в течение дня у лавочника раскупали весь товар. То же самое было у извозчиков: к кому блаженная садилась и проезжала хотя бы несколько аршинов, тому везло с богатыми клиентами весь рабочий день. Все обитатели Петербургской стороны приглашали ее в свои дома, желая напоить чаем, поскольку посещение Ксении приносило семьям хозяев мир и благополучие. Матери, углядев ее где-нибудь на улице, спешили подойти к ней со своими чадами, зная, что если она поцелует или просто погладит по головке ребенка, то он будет расти здоровым.

Довольно часто она бродила поблизости от Смоленского кладбища. Тогда там строили новую церковь из камня. По мере того, как росли вверх стены, дело двигалось все медленней, потому что мастеровые были вынуждены все выше и выше поднимать по лесам необходимые для кладки кирпичи. И с какого-то момента, приходя утром, строители стали обнаруживать на верхних площадках приготовленные для укладки кирпичи. Решив раскрыть секрет этой странности, подглядеть, кто им помощь безвозмездную оказывает, они выяснили, что это блаженная Ксения ночь за ночью тайно поднимала на леса кирпичи, чтобы строителям было сподручнее делать угодное для Бога дело. Они интересовались, когда же она спит, и слышали в ответ, что дела благие надо спешить делать, а выспаться и в земле успеется.

С того дня не было утра, чтобы она не обошла возводящуюся церковь, оглядывая фундамент и вода ладонями по стенам со словами: «Много тебе вынести придется, но устоишь, ничего...»

И в самом деле, впоследствии Смоленской церкви довелось испытать на себе буйство стихии, а именно сильнейшее наводнение 7 ноября 1824 года. В тот день вода неудержимым потоком хлынула на кладбище, покрыв его десятифутовым слоем. Заборы повалились, кресты унесло почти со всех могил, большинство памятников рухнуло, многие надгробия смести-

---

¹² Объяснение того, почему она переименовала себя в Андрея Федоровича, дает акафист святой блаженной Ксении Петербургской. В нем, в частности, говорится: «Именем мужским назвавшись, немощи женской отрешившаяся». То есть вступая на подвижнический путь юродства во Христе и намереваясь вести тяжелую, без снисхождения к немощам слабого пола жизнь, Ксения отринула от себя все слабости женской природы.

лись. Вдобавок ко всем разрушениям, было много жертв среди людей. Однако церковь устояла, целой осталась и могила Ксении.

Божий промысел руководил петербургской блаженной и направлял ее, им же она была сподоблена редкого дара – способности предвидеть будущее. Об ее проницательности ходили по Петербургу легенды. От одного к другому передавали горожане историю о том, как Ксения навестила семейство Голубевых – мать-вдову и ее скромную красивую дочку семнадцати лет, к которым она довольно часто и с большой охотой заходила в гости – и сказала девушке:

– Ты тут чаевничаешь, а муж твой на Охте жену хоронит.

– Какой муж? – переспросила пораженная девушка. – У меня и жениха-то еще нету.

– Иди! – строгим голосом велела ей Ксения. – Он тебя ждет.

Мать, которая считала блаженную Божьей угодницей, схватила дочку за руку, и они поспешили на Охтинское кладбище. В это самое время в тамошней кладбищенской церкви проходила заупокойная служба по женщине молодого возраста, супруге доктора, которая скончалась вследствие неудачных родов. После окончания службы и отпевания почившей гроб с ее телом понесли к месту погребения. Голубевы последовали за процессией.

Когда могила была засыпана землей, народ, провожавший молодую женщину в последний путь, стал расходиться. Доктор, чья горечь утраты, видимо, стала непереносимой, лишился чувств, увидев могильный холм. Голубевы бросились к молодому мужчине, мать и дочь оказали ему посильную помощь и поддержали добрым словом. Так неожиданно состоялось их знакомство, а спустя год девушка сочеталась браком с доктором. Они счастливо жили в многолетнем браке, до последних своих дней храня в сердце благодарность блаженной Ксении и свято чтя ее память.

А в другой раз по обыкновению смиренная Ксения чуть ли ни ворвалась в дом к подруге своей Прасковье Антоновой и замахала руками со словами:

– Оставь все и скорее беги на Смоленское кладбище! Господь тебе сына дает!

Одинокая и не имевшая детей женщина собралась в спешке и побежала на кладбище. Прасковья Антонова доверяла словам Ксении полностью, зная ее многие годы, она ни единого раза не слышала от нее ни слова неправды, поэтому действовала без раздумий и сомнений.

Путь предстоял неблизкий, и она шла довольно долго, когда же достигла улицы, что вела к Смоленскому кладбищу, Прасковья Антонова увидела скопление народа. Оказалось, здесь случилось несчастье: извозчик ненароком сбил зазевавшуюся женщину на сносках. Удар был так силен, что вызвал преждевременные роды прямо на улице, но при этом пострадавшая скончалась. Прасковья Антонова взяла новорожденного мальчика, укутала в платок, снятый с собственной головы, и отнесла к себе домой. Впоследствии старания женщины разузнать что-либо про родителей младенца оказались тщетными, да что там, даже петербургская полиция не смогла ни найти отца мальчика, ни установить личность сбитой лошадью роженицы.

Однажды на улице блаженная Ксения осенила себя крестом, посмотрев вслед купчихе Крапивиной, молодой женщине, которая всегда оказывала ей радушный прием, и грустным голосом проговорила: «Зелена крапива, да увянет вскорости...» Слова эти припомнили после того, как спустя недолгое время неожиданная болезнь поразила совершенно здоровую купчиху, и та ушла в мир иной в считанные дни.

Широкую же известность, вышедшую далеко за пределы северной столицы, обеспечили петербургской блаженной предсказания страшных событий, печальный отзвук которых достиг самых дальних рубежей Российской империи. 24 декабря 1761 года, в Рождественский сочельник, Ксения, будучи необычайно взволнованна, в течение целого дня ходила по всему городу и везде, где бывала – в домах у знакомых, на церковных папертях, даже посреди улиц, – неизменно повторяла громким голосом одни и те же слова:

– Пеките блины! Пеките блины! Вся Россия скоро будет блины печь.

Никто не мог уразуметь, что она имела в виду, ведь Масленица была еще далеко, – однако многие, кто хорошо знал про ее дар прозорливости, подозревали, что следует ожидать какую-то беду. Так и случилось. На следующий день вслед за колокольным звоном по Петербургу распространилось страшное известие про неожиданную смерть царствующей «дщери Петровой», императрицы Елизаветы.

Елизавета Петровна отошла в мир иной, будучи энергичной, полной сил еще не старой женщиной. В день, предшествующий смерти, она обсуждала с Б. Ф. Растрелли убранство перестроенного архитектором Зимнего дворца, ее интересовали такие детали, как укладка паркета и покрытие позолотой перил лестниц. Блаженная Ксения провидела участь истинно православной русской императрицы, ведь по давнему обычаю кисель и блины служили поминальной пищей.

Другое, как сказали бы сейчас, резонансное предсказание Ксении тоже было связано с представителем императорской фамилии. Но сделала она его уже в царствование Екатерины Второй. Блаженная в течение нескольких дней горестно плакала и кланялась до земли на церковной паперти. Когда же у нее с участием осведомлялись, что заставляет ее так кручиниться, Ксения указывала на воды канала поблизости со словами: «Кровь, кровь там! Каналы и реки нальются кровью».

Петербург стал ожидать несчастья. И беда случилась по прошествии трех недель, а именно 5 июля 1764 года. В тайном каземате крепости Шлиссельбург во время безуспешной попытки освободить его подпоручиком В. Я. Мировичем был заколот шпагами охранников, капитана Власьева и поручика Чекина, содержащийся взаперти узник номер «один» Российской империи, законный император Иоанн Антонович. Что до Мировича, точно не установлено, что побудило его попытаться совершить по сути дворцовый переворот – освободить из заточения и возвести на престол правнука Ивана V Алексеевича, старшего брата и соправителя Петра I (по одной из версий, обедневшим потомком в прошлом богатых дворян Малороссии двигало озлобление против Екатерины II, которая несколько раз накладывала отказ на просьбу подпоручика Смоленского пехотного полка вернуть ему наследственные имения; среди современников ходили слухи и про то, что «бунт» Мировича спровоцировала сама императрица). Иоанну Антоновичу же с младых ногтей был уготован мученический венец.

Бабушка его Анна Иоанновна, самодержица российская из династии Романовых, любыми способами хотела оставить трон за потомством своего отца, царя Ивана V, и в июле 1739 году устроила брак своей племянницы, принцессы мекленбургской Анны Леопольдовны и принца Антона-Ульриха, герцога Брауншвейга. Появившегося от этого брачного союза в августе 1740 года Иоанна Антоновича императрица завещала назначить своим наследником. После кончины Анны Иоанновны, последовавшей уже в октябре 1740 года, младенец двух месяцев от роду был провозглашен императором Иоанном VI Антоновичем. Формальное его царствование продлилось всего год, до ноября 1741 года, когда в результате очередного государственного переворота, на которые оказался весьма щедр XVIII век в истории России, императорский трон заняла Елизавета Петровна, дочь Петра I. Законного императора-младенца поместили под замок в Шлиссельбургскую крепость, а его мать и отец, «брауншвейшцы», как их называли, были сначала отправлены в Рижский замок, потом переведены в крепость Дюнамюнде, потом оказались в Раненбургской крепости и в конце концов были поселены при Холмогорском соборе, где они и окончили свои дни. Несчастному Иоанну Антоновичу предстояло до самой страдальческой смерти провести под строжайшим надзором в крепости Шлиссельбурга почти 23 года.

Когда известие о полном трагизма происшествии в Шлиссельбурге разнеслось по всей столице, к предсказаниям провидевшей убийство блаженной начали прислушиваться с еще большим вниманием, каждое слово из ее странных речей и каждый ее странный поступок петербуржцы отныне пытались воспринять и истолковать. Ксения с необычайной верностью

предсказала многим девушкам на выданье, с кем они сочетаются браком, многих из них остерегла от невыгодного, корыстного со стороны потенциального мужа брака. Если она что-то дарила кому-то, то получившего от нее подарок человека ожидала какая-то непредвиденная радость. Если же блаженная что-то просила – а это бывало весьма редко, – то того, к кому она обращала свою просьбу, это предвещало несчастье или потерю, такому человеку следовало побережиться и быть осторожнее. Как уже было сказано выше, ее не только старались позвать в гости, чтобы она побыла в доме, где после ее посещения на долгое время поселялись благополучие и покой, – люди желали еще и коснуться одежд Ксении. Считалось, что милость Господа, осенявшая блаженную скиталицу, распространялась на всякого, кто с ней контактировал, что успех постоянно сопутствовал каждому человеку, который уделил ей хотя бы толику внимания или помог даже самую малость.

Рассказывали, что как-то раз Ксения, приблизившись к ней на улице, протянула одной женщине монетку с изображением верхового Георгия Победоносца и проговорила: «Тут царь на коне, возьми. Поспеши – потухнет».

Женщина пришла в недоумение, однако монетку взяла и, держа ее в сжатом кулаке, быстрым шагом пошла домой. Когда она к нему уже подходила, из-под крыши вырвалось яркое пламя: начался пожар. Тут же сбежались соседи, огонь все усиливался, женщина устремилась к своему дому, но ее удержали. Но будто сила неведомая влекла ее к огню, и когда у нее наконец получилось прорваться к зданию, пожар сразу стал затихать, и уже спустя несколько мгновений огонь потух. Пораженный народ онемел, а женщина, разжав кулак и глядя на подаренную ей монетку, припомнила слова блаженной и осознала, что Ксения провидела возникновение огненного бедствия и молитвой своей предотвратила пожар. И благодарность наполнила женское сердце.

Чаще прочего в Петербурге рассказывали про чудесное возвращение к жизни мальчика, который упал в Неву. Когда его вытащили на берег, мальчик уже не дышал. В это время промысел Божий привел к нему Ксению. Блаженная с дерзновенной молитвой обратилась к Господу, потом дотронулась руками до утонувшего мальчика, и тот задышал.

И уже на закате жизни Ксения стала часто произносить одни и те же непонятные слова: – Скоро на Руси плакать будут. Как войдет он во врата, всей жизни ему будет столько, сколько букв над воротами в речении библейском!

Долго мозговали петербуржцы, делали предположения, кого имела в виду Ксения, о каких вратах вела речь, где буквы эти находятся. И в конце концов кому-то удалось постигнуть смысл пророчества о годах, отмеренных императору Павлу I.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.